

2. По своему жанру „Повесть“ принадлежит к легендарно-политическим произведениям с тяготением к исторической теме. „Повесть о двух посольствах“ испытала на себе сильнейшее влияние языка и стиля деловой письменности, в первую очередь статейных списков.

3. По своему жанру „Повесть о двух посольствах“ близка также к сочинениям Пересветова и к казачьим повестям об Азове — произведениям, связанным с литературной традицией Посольского приказа.

4. Автор „Повести о двух посольствах“, хорошо знакомый с посольским делом и с посольским делопроизводством, вероятно был служащим Посольского приказа.

„Повесть“ дополняет наше представление о литературе той эпохи, когда начался переход от средневековой литературы к литературе нового времени, и является одним из образцов тесного сближения формы литературного произведения с формой делового документа, при одновременном очень сильно сказавшемся в памятнике общем процессе отделения художественной литературы от деловой письменности, характерном для XVII века.

Ниже мы публикуем обзор списков и самый текст „Повести“.

Археографический обзор списков и текст „Повести о двух посольствах“

Общие замечания

Судя по тому, как связаны единым сюжетом о титулах все три части „Повести о двух посольствах“, их можно считать в целом единым произведением. Если в более поздних списках встречается отдельно рассказ о посольстве Ищенина, либо рассказ о посольстве Сугорского, то в ранних списках они всегда находятся вместе.

Однако история текстов двух частей „Повести о двух посольствах“ складывалась по-разному. Это можно объяснить различной стилистической манерой, в какой написаны обе части. Рассказ о посольстве Ищенина, выдержанный в форме речей (монологов и диалогов), почти не подвергся переделкам. Единственным крупным изменением следует считать большую вставку документального характера, где перечисляются пришедшие к Москве в мае 1571 года крымские и ногайские мурзы. Посол Андрей Ищенин и дьяк Василий Алексеев приходят „извещать“ турецкому султану на крымского царя, „что тот Мингирей царь и калга царевичь приходили с крымскими царевичи, и с мурзами, и с шеренскими князьями, и с казыевским улусом, и с меншими ногаи, и Девей з детьми, и Бока, и мурза с товарищи, и казаки золотые болшие орды, заволские ногаи, и измаилевы телехматовы дети Урас и Чемат, и Кучув мурза, и Шиншидумет с шестью братиею своею, и с кочевенскими татары, и со всеми с крымскими и ногайскими мурзами, и иных орд с прибыльными людьми за умножение грехов наших, а через крестное целование и через мирное стояние на Русь воевати, Москву град и божие милосердие храмы пожгла 79 году мая в 24 день на вознесение господя нашего Исуса Христа. И погорела Москва вся во едину три часы“.¹

¹ ГПБ, собрание Погодина, № 1573, л. 31. Вставка носит явно документальный характер. Однако ее происхождение пока неизвестно. В Никоновской летописи такого текста нет. Возможно, что известие взято из посольских документов (известия о приходе татар к Москве в мае 1571 года имеются в Крымских книгах посольского приказа № 13 и Турецких книгах посольского приказа № 2, находящихся сейчас в ЦГАДА).